

A movie poster featuring a woman in a black leather jacket holding a handgun, looking down. A man in a suit stands behind her, looking towards the camera. The background is dark with a blue glow behind the woman.

Она зачала ребенка в любви.
И доказала это лютой ненавистью.

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ВЕЧНОСТЬ
И ЕЩЕ ДВА ДНЯ

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

Роковой соблазн

Владимир Колычев

Вечность и еще два дня

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Вечность и еще два дня / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2020 — (Роковой соблазн)

ISBN 978-5-04-109802-5

До поры до времени Полина жила спокойно и по-деревенски размеренно: ухаживала за больной матерью, вела хозяйство. Пока не ворвался в ее жизнь крутой бизнесмен, муж старшей сестры. Не смогла Полина устоять от соблазна. Тут-то все и началось. Сначала выяснение отношений с сестрой и бывшим женихом из местных, а потом и вовсе кошмар – настоящая война с бандитами. И невдомек вчерашней покладистой девушке, кто и зачем подослал к ней этих отморожков и ради чего ей пришлось взять в руки оружие и начать мстить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109802-5

© Колычев В. Г., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Григорьевич Колычев

Вечность и еще два дня

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Колычев В. Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Бока у кувшина крутые, с резким переходом на «талию», глиняные, слегка шероховатые, но все же приятные на ощупь и теплые от парного молока. Пальцы Полины нежно, с тихим, едва слышным шорохом скользнули по кринке вверх, неторопливо, но быстро развязали тесемку, сняли марлю, аккуратно уложили ее на стол. Одной рукой Полина взяла кувшин за горлышко, другую подставила под доньшко, наклонила над глиняной кружкой без ручек. Звонко, с мелодичным переливом зашелестела молочная струйка. Звук уплотнялся, пока не оборвался, булькнув на прощание.

Мама качала головой, глядя на заботливую дочь. В глазах ее читались и восхищение, и укор.

Молоко парное, вкусное, с ароматом утренней росы на веточке мяты, но не свое. Каждый вечер Полина ездила в поселок. Молоко тетя Нелли отдавала ей задаром, а творог, сметану, масло приходилось покупать или обменивать на фрукты и всякую огородину.

Мама пила молоко неторопливо, маленькими глотками, с тяжелыми выдохами в паузах. Кружку она держала двумя руками. Слабые артритные пальцы мелко дрожали, а глаза строго смотрели на Полину.

Маму разбил паралич. Руки еще кое-как слушались ее, а сидеть она не могла, только лежать. Если и ходила, то лишь под себя. Полина обмывала ее, обстирывала, кормила с ложечки.

Мама не упрячилась, позволяла заботиться о себе, но кружку вечернего молока должна была выпить сама. Это святое. Прежде у нее получалось, а сегодня вот не заладилось, пальцы разжались, и посуда вывалилась из рук. Часть молока пролилась на одеяло, но кое-что осталось в кружке. Полина поймала ее на лету.

– Ну что же ты?.. – с осуждением спросила мама, посмотрев на дочку.

Голос ее звучал глухо, но Полина услышала в нем звонкие истеричные нотки, на которые так богата была Варвара. Сколько помнила Полина свою старшую сестру, столько и была у нее без вины виноватой.

Полина даже парня у нее умудрилась отбить. Варваре было семнадцать, а ей – одиннадцать. Миша тогда просто хотел позлить старшую сестру и громко, на публику пообещал жениться на младшей. Прошли годы. Рано овдовевший Миша и в самом деле позвал Полину под венец. Это и сподобило Варвару на очередной вздорный вывод. Она решила, что младшая сестра посягнула на ее кавалера.

Скандалом эта глупость не обернулась, потому как Миша давно уже никого не интересовал. Полина ему отказала, а Варвара и знать его не хотела.

– Все хорошо, мама, – сказала Полина, взяла чашку, поставила на стол и глубоко вдохнула, настраиваясь на мирный лад и долгое терпение.

Мама не совсем справедлива к ней, но всему виной болезнь, которая влияет на ее характер. Полина давно уже смирилась с этим.

В свое время она окончила медицинское училище, пять лет отработала сестрой в городской больнице. Уход за парализованной матерью можно было считать продолжением этой великопепной карьеры. А домашнее хозяйство и вовсе святая обязанность для женщины.

Дом у них был хороший, отец построил его лет двадцать назад. Он тогда хорошо зарабатывал, взял пять гектаров земли, прилегающей к озеру, поставил крепкий сруб из бревен полуметровой толщины, одноэтажный, но многокомнатный. Местный умелец срубил мебель из березы. Комнаты были обставлены на городской лад, вода подведена. Еще бы газовое отопление, и цены дому не было бы. Сарай, хлев, курятник, баня – все было. Имелся даже глубокий ледник, хотя им они и не пользовались. Спасибо холодильнику. Сад, огород пятнадцать

соток, две теплицы. Хлев пустовал, но Полине хватало работы и без скотины. Она весь день, от рассвета до заката, пахала как проклятая.

– Да где уж хорошо-то? – Мама вздохнула, закрыла глаза, поморщилась и опустила уголки губ.

Говорить она ничего не стала. Полина сама должна была все понять. «Утка» стояла под кроватью. Вынести ее – не самое сложное дело. Завтра банный день, маму нужно будет вымыть, не поднимая с кровати. Но так это будет завтра, а сегодня – всего лишь «утка».

Из дома Полина вышла уже в темноте, под луной и звездами. Ветер с озера принес комаров и прохладу. Над ухом тонко загудело, но Полина даже не отмахнулась, привыкла.

На самом деле комаров у них не так уж и много. Озеро чистое, берега не заболочены. Слева сосновый бор, справа луга. Там полынь и мята, которую эти кровососы не любят. А в доме их и вовсе нет, ночью можно спать спокойно.

Полина опустилась на скамейку, за день прогретую солнцем, откинулась на гнутую спинку, измученно улыбнулась, вспоминая былые времена. Отец привез эту лавку из города, вроде бы купил, но мог и стянуть из городского парка. В девяностые годы люди как будто с цепи сорвались, всю страну по углам растащили. Отец тогда дальнобойщиком работал, машины из-за границы возил, скорее всего украденные. Рисковал очень, боялся, в каждый рейс уходил как в последний бой, зато зарабатывал хорошо, пока под пулю не попал. Ранили его тогда тяжело. Врачи полжелудка вырезали, перевели на инвалидность. Так он до конца и не оправился, а в позапрошлом году и вовсе отошел в мир иной.

Чуть погода слегла и мама. Варвара мигом нашла выход из положения, назначила сиделкой младшую сестру, причем сделала это с присущим ей кичливым пафосом, разрекламировала себя на всю округу. Как будто Полина не собиралась ухаживать за матерью, но Варвара – добрая душа – заставила ее.

А Полина к тому времени уже и с работы уволилась, и к маме перебралась. Варвара громко обещала оплачивать услуги сиделки. Деньги она действительно высылала, но по чуть-чуть и не регулярно. Их только на лекарства и хватало, да и то не всегда.

Выручали огород, хозяйство и мамина пенсия. Корову Полина не держала, но куры и утки у них водились. Несушки исправно поставляли яичко-другое к утреннему столу. Завтра с утра нужно будет корму птицам задать, уток выпустить на озеро, там им раздолье.

Да и самой можно будет искупаться. Утром... или сейчас?

Полина качнула головой, вытянула губы уточкой. Что-то не хотелось ей подниматься и куда-то идти. Лето уже на второй половине. Днем вроде бы тепло, а ночью не очень. Вода в озере прохладная, благодать в ней после жаркой парилки. Выскочить по темноте голышом, сигануть с мостков и плыть, представляя погоню за собой.

Однажды она гостила здесь, в деревне, с Андреем, привезла его из города, познакомила с отцом, с матерью, а ночью они отправились купаться. Полина ему поддалась. Он смог догнать ее и обнять крепко-крепко. Повторить бы. Но Андрей уже безнадежно в прошлом, женился, готовился стать отцом.

Не сложилось, не судьба. Такое бывает. Но как же обидно. Так и затянула бы заунывно «Степь да степь кругом», да мама услышит, звать начнет.

Из темноты под свет фонаря выбежал Дружок, ткнулся в руку мокрым носом.

– Ух ты, животины лохматая! – сказала Полина, улыбнулась и потрепала пса за холку.

Шерсть у Дружка пышная, но пыльная, местами спутанная, как будто мышки в ней гнезда свили. Пройтись бы жесткой щеткой от холки до хвоста, дрянь всю вычистить. Сегодня сил хватит лишь на то, чтобы снять со спины собаки головку репейника.

Все-таки Полина поднялась и пошла за щеткой. Завтра тоже будет некогда, особенно если откладывать все на потом.

Дружок вытянулся на лапах, поднял холку, наострил уши, настороженно повел головой в сторону калитки, предупреждая гавкнул и побежал, указывая путь хозяйке.

За калиткой у фонарного столба руки в брюки стоял Миша. Рослый, кряжистый. Левая нога выставлена вперед, правый локоть отведен в сторону, в зубах «беломорина». Полине казалось, что он вот-вот сорвется с места и пойдет в пляс под скрипки сверчков. Кровь у него пьяная, настроение ухарское. Полине даже не надо было принюхиваться, чтобы это понять.

Когда Миша трезвый, он тише воды, а под мухой мог и нахамить, на свою покойную жену иной раз руку поднимал. Это если верить молве, которая, конечно, врет, но не всегда.

– Светит месяц, светит ясный!.. – с папиросой во рту прошамкал Миша.

Тридцать четыре года мужику, а выглядит на все сорок, если не больше. Кожа грубая, темная не столько от солнца, сколько от пота, перемешанного с землей, зубы коричневые, с гнильцой, да и то не все. В верхнем ряду их заметно ubyло, особенно передних, а ему и дела нет. Борода кудлатая, прокуренная, да и без того вид у мужика запущенный.

– Шел бы ты домой, месяц ясный, – из-за калитки сказала Полина и покачала головой.

Отец ставил забор на века, на бетонные столбы, но высоко поднимать его не стал. Штакетины едва доходили до уровня груди. Если бы Миша захотел, то перемахнул бы через такую ограду в два счета. А если бы захотел еще сильнее, то и Дружок с его зубами не стал бы ему помехой.

– Да, ясный, – подтвердил Миша.

– Ясный. Но грязный.

Пиджак на нем замусоленный, с засаленными рукавами. Черные в серую полоску брюки никогда не знали утюга. О том, что там под ними и сколько оно не стирано, можно было только догадываться. Впрочем, неряшливость для Миши – это, в общем-то, давно уже естественное состояние.

А ведь Варвара когда-то замуж за него собиралась. Правда, она и сама давно уже в это не верила.

– Да где же грязный-то? – Миша шлепнул ладонью по боковому карману пиджака, стремительно приблизился к Полине, дыхнул на нее сивушным перегаром с едкой табачной закисью.

Но куда больше ее злил запах отродясь не леченных зубов.

– И небритый.

– Почему небритый? Борода у меня. Бабам нравится! – Он закинул руку поверх калитки, нащупал засов, но Полина и не пыталась его остановить.

Она еще с вечера закрыла ее на замок.

– Ну вот и давай, иди к своим бабам!

– А ты не баба?.. Фифа городская, да? – осведомился Миша и ехидно скривился.

Полина пожала плечами.

Городской она так и не стала, во всяком случае, с хозяйством справлялась нормально, как самая настоящая деревенская. Это Варвара нос от грядок воротила, маникюры свои боялась испачкать. Полина тоже за собой следила, даже лицо солнцезащитным кремом мазала, когда на жару надолго выходила, ночными кремами пользовалась, которыми Варвара с барского плеча ее одаривала. Но до сестры ей далеко, как по красоте, так и по ухоженности.

Да и в личной жизни у Варвары все замечательно, муж ее любит, пылинки сдувает. С ребенком, правда, не ладится, сколько лет в браке, а все никак. Но так и мама такая же поздняя, замужем с восемнадцати лет, а Варвару только в тридцать пять смогла родить.

– Не нравятся тебе свиные рыла! – с обидой и вызовом в голосе наседал Миша.

– А ты не будь свиным рылом. – Полина снова пожала плечами, довольно резко глянула на Мишу.

В общем-то, он мужик ничего, пьет не чаще других, работающий. Трактор у него свой, вспахать, накосить, дров привезти – не вопрос, были бы деньги или бартер. Его бы отмыть, приодеть да стоматологу в жертву принести.

– О-хо-хо!.. Мужик мужиком должен быть, а не фанфароном напомаженным. И где Варька себе такого павлина нашла? – проговорил Миша и пренебрежительно сплюнул себе под ноги.

– Жар-птицу.

– Почему жар-птицу?

– Да потому, что летает!

Вадиму сорок два года, но рядом с Мишей он смотрелся бы как сын возле отца, с разницей лет этак в двадцать. Моложавый, спортивный, утонченный, и улыбка у него белозубая, а какая пронзительная глубина в глазах!.. Ему бы в кино сниматься, а он автозапчасти продает, зарабатывает на этом, правда, очень хорошо. Дом у них свой, квартира в Москве, Варвара каждые три года машину себе меняет. Повезло ей с мужем.

Но Полина не столько завидовала сестре, сколько жаловалась на себя. У нее-то в жизни все наперекосьяк, и Миша – не выход из положения. Не любит она его, не будет ей с ним счастья. Зачем же тогда замуж?

– Ой-ой! Летает! Как бы не упал!

– Если упадет, то прямо на тебя, – с усмешкой сказала Полина.

– А я не летаю? – Миша насупленно глянул на нее.

– Ты, конечно, ясный. Но не сокол.

– И замуж за меня ты не пойдешь?

– А это прямо сейчас надо сделать?

– Ну, не прямо. И не сейчас. Вообще надо!

– Вот вообще и приходи. Завтра. А лучше послезавтра.

– Да ладно тебе! Вечер-то какой! Пойдем прогуляемся! К озеру можно. А помнишь, как ты за мной и Варькой бегала? – Миша хитро сощурился, при этом приподнял верхнюю губу, обнажил брешь в зубах.

А ведь был когда-то первым парнем на деревне. Полина и в самом деле за ним следила, когда он гулял с сестрой.

– Давно это было. И неправда, – заявила она.

– Да ладно, давно! Как будто вчера!

– Давно, Мишенька, давно!.. Спокойной ночи!

– Эй! – Миша потянул руку, пытаясь ее остановить.

Но Полина продолжила движение, показала ему спину. А Дружок угрожающе гавкнул, пресекая поползновения этого типа.

Утро началось с малины и смородины. Пока не накатила жара, Полина привела в порядок все кусты, обрезала больные ветки и ненужные стебли, затем переключилась на пернатую живность. Курам можно было задать кукурузу прямо в початках, у кур острые клювы, им все равно, а вот уткам – нет. Полине пришлось вышелушивать зерно, смешивать его с тыквой и люцерной. Такое угощение пришлось уткам по нраву. Забавно было слушать, как они крикают от удовольствия. Куры остались во дворе, а уток Полина вывела к озеру и строго-настрого наказала им не заплывать в овражек с толстым слоем ила на дне.

Отец когда-то вывел туда, в этот самый овражек, прямо в камыши канализационную трубу ради удобств в доме. Впрочем, характерного запаха там вроде бы не было, а значит, и переживать нечего.

Мама с утра не капризничала, съела манную кашу, яйцо всмятку, ломтик хлеба со сливочным маслом, выпила чаю. Полина убралась за ней, натерла тело спиртовым раствором там, где назревали пролежни, сделала массаж рук, ног.

Она изрядно умаялась, но не остановилась, снова занялась огородом. Клубника уже отошла, но сорняк пер вовсю. Нужно было прополоть грядки, взрыхлить почву, удалить кусты, отжившие свое, посадить новые, подкормить удобрениями. И все быстро, потому как огород большой. Огурцы, помидоры, картофель, капуста, свекла, морковь, тыква, кукуруза, подсолнухи. В саду деревья обрезать, с вредителями бороться. Весь день как заведенная, присесть некогда.

А вечером Полина растопила баню, которую отец ласково называл душегубкой. Бревно крупное, печь жаркая. За три-четыре часа парилка превращалась в настоящий ад, но Полина и не собиралась доводить ее до этого. Да и дрова нужно было экономить. Они немалых денег стоят.

Дым из трубы валил густо, длинными сизыми облачками плыл к озеру, когда на дороге со стороны поселка появился знакомый темно-серый внедорожник. Полина пожалала плечами, глядя на эту машину. Варвара могла бы и позвонить, предупредить. Мама тогда приготовилась бы к ее приезду. В обыденности тоскливых дней пудриться и губы напомаживать ей было ни к чему, но к визитам старшей дочери и дорогого зятя она приукрашивалась как на бал.

Да и Полина совсем не прочь была привести себя в порядок. Ей не хотелось выглядеть в глазах Вадима законченной клушей. Надо было бежать в дом, переодеваться, краситься. Но мама потребует внимания, время бездарно растрачено. Некому будет встретить сестру и зятя, открыть им ворота.

Варвара приезжала частенько, пару раз в месяц, и почти всегда без предупреждения. Не человек, а просто снег на голову. Ей нравилось заставить людей врасплох, пребывать во всеоружии собственной красоты.

Полина изучила свою сестру вдоль и поперек, знала, что Варвара всегда одевается эффектно, выглядит ярко, но все же попала под впечатление и даже была посрамлена. Это на радость Варваре, которая просто обожала измываться над младшей сестрой. Прическа у нее высокая, но в новом оформлении, незнакомые сережки с топазами под цвет глаз, брючный костюм, который смотрелся бы одинаково актуально как на пленэре, так и на вечеринке в ночном клубе. Роскошные волосы, изюминка в каждой черте красивого лица, сочные губы, безупречная фигура. Это все про Варвару. Она похожа была на солнце, такая же ослепительная, обжигающая и недостижимая.

– Привет, сестренка! – Варвара подходила к Полине, раскинув руки, как будто хотела обнять, расцеловать, но лишь пошевелила губами, подставила щеку и даже носик брезгливо наморщила.

Ну да, маленькая же вся в делах, в заботах, потная, грязная, еще испачкает, чего доброго. Полина и хотела бы проучить сестру, чтобы не задавалась, но все же поцеловала подставленную щеку. Варвара захлестнула ее как морская волна и потащила обратно на дно жизни, с которого она, в общем-то, и не поднималась.

Вадим не мудрствовал и нос от Полины не воротил. Он шел к ней медленно, не спеша, но приблизился быстро. Его левая рука вдруг оказалась на ее талии, а губы влажно коснулись щеки у самых губ.

Полина вспыхнула. Она представила его правую руку на своей груди. А он ведь действительно едва не коснулся пальцами соска, который вдруг затвердел, налился томительной тяжестью и рельефным контуром проступил сквозь тонкую ткань халата.

Вадим должен был это видеть, потому что смотрел именно туда. Халат у Полины тонкий, тесный, а грудь большая, полновесная. Как бы пуговицы не разлетелись от душевного напряжения.

– Березой пахнет, – сказал Вадим, отстранился от Полины и бутоном раскрыл пальцы перед своим носом.

– Дровами, – уточнила Варвара, подозрительно глядя на него.

Она, конечно же, ревновала своего мужа. Полина ее прекрасно понимала. Поэтому она и пятилась от Вадима, хотя он вовсе и не думал обнимать ее, лезть под пуговицы.

– Березовыми, – заявил Вадим.

– Так баня же.

– А я как раз пивка взял.

– Вместе пойдем, – сказала Полина.

– Да? – То ли Вадим это сказал, то ли просто громко подавился.

Варвара оторопело уставилась на сестру, но Полина и глазом не моргнула.

– Маму перенесем, – сказала она.

Действительно, почему бы не воспользоваться возможностью и не попарить маму в бане? Полок там широкий, длинный. На нем можно лежать в полный рост. И намыть, и напарить, и веничком нашлепать.

– Ага. – Вадим провел рукой по затылку, как будто унимал этим бунт в голове.

– Мама вас ждет, – сказала Полина, взглядом показала на дом и тут же посмотрела на ворота, которые должна была закрыть.

Вдруг Миша нагрянет? Сегодня суббота, он уже, должно быть, опохмелился, теперь и пакостей спьяну наговорить может не только ей, но и Варваре. Вадим полезет в драку, а Миша мужик здоровый. Быка-то, может, он с одного удара и не убьет, но задуматься заставит.

– Да, мама. – Варвара вздохнула, настраиваясь на непереносимые тяготы общения с тяжелой больной.

Тяготила ее мама. Это чувствовалось во всем. Но Полина сестру нисколько не осуждала. Так уж устроен человек. Пока не засунешь его в колесо, не будет он крутиться в нем как белка. Полина была поставлена перед фактом и засучила рукава.

Варваре совсем не обязательно снимать белые перчатки. А ведь если ткнуть ее носом в «утку», привязать к маме, не оставить выбора, то она как миленькая и выносить будет, и подмывать. А ведь эта краса неземная все умеет. Она и в хлеву раньше шустро управлялась, и огород весь в одиночку могла перелопатить. Это сейчас Варвара белоручку изображает, но если жизнь заставит...

– Пойдем. Надо поздороваться, – невесело сказал Вадим.

Мама ему не родная. Его неприятие можно было понять, но в дом он тем не менее зашел первым.

Варвара держалась за ним. Прежде чем переступить порог, она осенила себя крестным знаменем.

– Ты чего это? – одернула ее Полина.

Мама еще не умерла, а она уже крестится, как будто в избу с покойником входит.

Варвара все поняла, смутилась, но тут же заявила:

– Да будет тебе!

– Я в баню, жар убавлю.

В баню Полина заходила, пожимая плечами. В общем-то, огонь можно и не убавлять, достаточно будет распахнуть настежь окно и все двери. Жар схлынет, в парилке будет просто тепло. Мама помоеется, а потом уже им с Варварой можно будет попариться. А печь и дальше пусть греет. Вадим любит погорячей.

Из парилки она выходила, чувствуя, как тело мокнет под халатом. Ощущение привычное. Полина знала, как охладить себя. Надо расстегнуть верхние пуговицы и помахать лацканами, как кузнечными мехами, нагнетая воздух под халат. А можно еще и подуть на грудь. Так она и сделала – расстегнула, подула.

Для этого ей пришлось опустить голову, а ноги уже вынесли ее из жаркого предбанника в мягкую прохладу вечера. Вадим шел ей навстречу, спешил или только вид делал. Как бы то ни было, они столкнулись, и Полина оказалась у него в объятиях. Мало того, он вольно или невольно заглянул под запахнутые лацканы халата.

Полина пугливо вскрикнула, отскочила, запахнулась.

Вадим безобидно усмехнулся.

– Чего ты?

– А ты чего? – Она глянула на него в замешательстве, исподлобья.

– Да так, посмотреть пришел. – Он повел взглядом в сторону двери.

– А не надо смотреть! – Полина лихорадочно застегнула пуговицы.

– А если интересно?

– У себя смотри! – на ходу на пути к дому бросила она.

– Шуток не понимаешь? – донеслось ей вслед.

Отсутствием чувства юмора Полина не страдала, равно как и синдромом девственности. Перспектива остаться в бане наедине с женщиной ее ничуть не пугала, как раз наоборот. Но это смотря с какой женщиной. Уж лучше с Мишей согрешить, чем с Вадимом. От одного ее тошнило, от другого бросало в жар, но уж лучше первое, чем второе. Потому что нельзя спать с мужем родной сестры. Полина поняла это давно, еще до того как Варвара надела на палец обручальное кольцо.

Раньше Варвара запросто таскала воду полными ведрами, в одиночку могла быстро наполнить большую бочку. Сейчас она с той же легкостью изображала из себя кисейную барышню.

С мамой пришлось управляться вдвоем. Полина взяла носилки спереди, Вадим сзади. Они вместе укладывали маму на полку в бане. При этом он как будто ненароком прикоснулся локтем к груди Полины. А может быть, она и сама прижалась к нему. Случайно.

Варвара стояла по ту сторону двери, на свежем воздухе. Видеть этого она не могла, появилась потом, когда мама уже лежала на полке и Полина поливала ее водой. Сестры были без ничего.

Вадим, конечно, мог заглянуть к ним, но Полина этого не хотела бы. Дело тут было не только в природной стыдливости. Полина понимала, что начисто проигрывает родной сестре по очкам. У Варвары фигура модельная, грудь пышная, идеальной формы, бедра узкие, ноги длинные, ровные. Живот плоский, пресс подкачанный, Полина чувствовала себя квашней на ее фоне. Работала она от зари до зари, вроде бы и не толстая, но жирок на животе угадывался как спереди, так и по бокам. И бедра широкие, и грудь какая-то бесформенная. Вроде бы высокая, упругая, но не было в ней того изящества, что у Варвары.

Полина сама вымыла маму, Варвара всего лишь подавала ей мочалку, гель для душа, веничком немного по спине похлестала. Но мама смотрела на нее с безграничной благодарностью и нежностью, которой Полина давно уже не знала. Растрогалась мама, заплакала. Не всхлипывала, не кривила губы, напротив, даже улыбалась, а слезы градом катились по ее щекам.

– Спасибо вам, доченьки, – сказала она и закрыла глаза.

Полина встревоженно глянула на маму. Уж не померла ли? Варвара же о таком исходе даже не задумывалась. Ее волновало другое.

– Одевайся, – сказала она. – Сейчас Вадим придет.

Полина кивнула, с трудом натянула отсыревший халат на голое тело. Варвара окинула ее недовольным взглядом, качнула головой и позвала мужа. Сама она одеваться не собиралась, да ей и не нужно. Сейчас ополоснется, пока Полина будет корячиться. Но так она же сама назвалась груздем, ей и тащить кузов.

Полина шла впереди, Вадим держал носилки сзади. Его взгляд жег ее спину. Халат прилип к телу, ей казалось, что он вот-вот лопнет по швам.

Но ничего подобного не произошло. Ни швы не треснули, ни пуговицы не оторвались.

Полина сменила постель заранее. Сестры положили маму в чистом на чистое. Она с удовольствием и с шумом вздыхала, как это делала, когда пила чай.

– Я пойду? – спросил Вадим.

Ему явно не терпелось на свежий воздух. Похоже, Полина досыта накормила его заботой о теще. Как бы не уехал домой на ночь глядя. А если вдруг, то скатертью дорога. Никто не собирается держать здесь его и Варвару. Чай, не на пикник приехали, а больную мать проведать.

Полина удобно уложила маму, напоила ее чаем с травами, не забыла поцеловать. В хлопотах она забыла про мокрый халат, в нем и вышла из дома, когда управилась. Влажная прохлада мягко обняла ее, как будто мужчина легонько прижался сзади. Ей захотелось вдруг сильных ощущений, но Вадима нигде не было. «БМВ» стоял на месте.

Дверь в баню была закрыта. Из трубы густо валил дым. Видимо, Вадим подбросил в печь дровишек.

Он мог задать жару и Варваре. Полина представила ее в объятиях мужа. Вот Вадим ставит ее коленями на нижний полоч. Локти она кладет на средний, а подбородок – на верхний. Он резко прижимается к ней сзади...

Полина тряхнула головой, пытаясь привести себя в чувство. Что это на нее нашло? Вадим и Варвара – муж и жена. Глупо возмущаться их поведением. Преступно перед сестрой.

Полина босиком рванула по тропинке к озеру, пронеслась мимо бани, открыла калитку, вышла на мостки. Раздеваться она не стала, прямо в халате бухнулась в воду и не сразу поняла, то ли вокруг нее действительно зашипело и пошел пар, то ли ей все это померещилось.

Никакого пара на самом деле не было, но остывала Полина долго, плавала, пока не устали руки. Она вышла из воды, спряталась за куст, разделась, выжимала халат и смотрела на баню. Если вдруг Вадим побежит к озеру голышом, то метаться в панике она не станет. Даже не присядет. Спокойно наденет халат, неторопливо разглядит его на себе и пойдет к дому, не оглядываясь.

Вадим не появлялся, но к дому Полина пошла. Дверь бани была открыта, но Полина даже не стала заглядывать за нее.

В доме стояла тишина.

Мама лежала на кровати, а Варвара в оцепенении стояла перед ней, опираясь на спинку стула. Вадим, бледный как мел, обнимал жену за плечи, но ее все равно шатало, стул скрипел.

Полина не спрашивала, все поняла и без этого. Она брала маму за руку, зная, что пульс нащупать не сможет.

– Никогда тебе этого не прощу! – выстрелила ей в спину Варвара.

Полина дернулась, в отчаянии глянула на сестру. Нет, она не собиралась отрицать свою вину. Не надо было тащить маму в баню. Это могло спровоцировать insult или сердечный приступ. Но ведь она хотела как лучше. Варвара не смеет ее осуждать.

– Ведешь себя как последняя шлюха!

Варвара винила ее в другом. Как будто Полина согрешила с Вадимом, мама узнала об этом, и у нее не выдержало сердце. Но это же бред! Не было ничего такого, да и быть не могло.

– Это все из-за тебя! – прошипела Варвара.

Легче было оживить маму, чем переубедить ее в этом.

Полина заплакала не в силах совладать с эмоциями.

Глава 2

Ход у трактора натужный, но быстрый. Одним колесом он шел по целине, другим – по уже вспаханной земле. Нож резал землю, предплужник ее взрыхлял. Вспашка глубокая, но ровная, для огорода лучше не придумаешь.

Полина не просила Мишу, он сам подъехал, предложил помощь. Осень, на огороде только ботва, стебли подсолнухов. Все под вспашку.

Мотоблок у Полины тяжелый, слабый, да и запускается через раз, а трактором быстро. Глаз у Миши точный. Он ни единого кустарника не сломал, ни дерева не зацепил.

Миша остановил трактор возле ворот, спрыгнул с крыла с лихостью танкиста, вернувшегося из боевого рейда, отряхнул руки, с залихватским прищуром глянул на Полину и заявил:

– Дело сделано, хозяйюшка!

Полина кивнула, достала из кармана деньги. Миша взял их, пересчитал, вернул большую половину и сказал:

– Только за навоз возьму и за соляру.

Полина качнула головой, отказываясь от бесплатной работы. А сделал Миша немало, весь день, считай, убил. Навоз привез, разбросал, запахал в землю. Большое дело, сама Полина не справилась бы.

– Остальное натурой. – Миша улыбнулся и сунул деньги ей в карман.

– Ага, сейчас! Только баньку растоплю! – выдала Полина и подняла руку, как будто собиралась покрутить пальцем у виска.

– А ты разве не растопила?

– Езжай домой! – сказала она, вынула деньги и ловко вложила их Мише в нагрудный карман рабочего комбинезона.

Не хотела она в баньку, и дело было даже не в Мише. Уже три месяца прошло с тех пор, как умерла мама, а Полина все не могла избавиться от чувства вины. Мама и без того должна была отойти. Все на это указывало. Баня не ускорила процесс, дала телесную и даже духовную чистоту. А еще Варвара приехала. Мама простилась с любимой дочерью и спокойно умерла, намытая и отпаренная, в чистом исподнем. Ее даже обмывать не пришлось.

Полина все это понимала, однако все винила себя. В бане находиться она не могла. Как только зайдет в парилку, так и увидит маму, ощутит на себе ее грустный, прощальный взгляд.

– Я за натуральный продукт сказал. Бутылек поставь! – заявил Миша.

– Я принесу, – сказала она.

– Ну уж нет, вместе посидим! – Миша взял ее за руку, чтобы не ушла.

Полина глянула на него резко, но с любопытством. А ведь нет больше противной бороды, стрижка свежая. Миша помолодел лет на десять. Даже одежда на нем чистая, комбинезон совсем новый, с яркими оранжевыми вставками.

– Только не приставай! – предупредила она его.

Перед ее мысленным взором всплыло вдруг болото, хлипкая тропка через него. По такой дорожке ходить опасно. Тут осторожность нужна и удача. Если повезет, пройдешь и ноги не замочишь, а если нет, утонешь, сгинешь навеки. Может, лучше в обход? Послать Мишу к черту, пусть проваливает!

– Нет, конечно, не буду! – В грудь себя он ударил бодро, а улыбнулся лукаво.

Сейчас у него, конечно, чистые намерения, но водка может все испортить. Не зря ее проклятой зовут.

Полина качнула головой. Нет, не станет она делать ему скидку на водку, просто пошлет лесом, пусть гуляет. Только вот отговаривать его – дело бесполезное. Тут хитрость нужна.

– Ты давай трактор поставь, а потом уже заходи. Я пока на стол накрою.

Полина говорила одно, а думала о другом. Не откроет она ему, не будет никакого застолья. Потопчется он у порога и уйдет. Миша смиренный, когда трезвый.

– Так не знаю. Ларка может не отпустить.

Полина вопросительно повела бровью. Знала она эту Ларку. Бабе уже за тридцать, гуляла от всей души, по рукам ходила, а замуж так и не вышла. Теперь вот за Мишу взялась.

– Она баба вздорная, – сказал он и хитро посмотрел на нее.

Дурой будет Полина, если не вцепится в него двумя руками, упустит свой последний шанс. Он мужик справный, бабы за ним бегают, и Полина должна за него бороться. Но это он так думает, у нее свое мнение на этот счет.

– Ну, значит, в следующий раз.

– Когда в следующий раз? – с разочарованием и надеждой спросил он.

– Или сегодня. Но потом, попозже. – Полина кивком показала на ворота и пошла их открывать.

– Жди! – запрыгивая на трактор, с небрежностью гусара бросил он.

Миша уехал, Полина закрыла за ним ворота, но в дом заходить не стала, села на любимую скамейку, опустила голову, сложила руки на коленях. А чего, собственно, она о себе воображает? Мише, конечно, далеко до Андрея, с Вадимом ему вообще никогда не сравняться, но так и она не Венера Милосская в девичестве. Двадцать семь лет скоро, а личной жизни нет, одно только жалкое существование, днем работа, ночью тоска.

Иногда хочется прижаться к сильному мужскому плечу, да так, чтобы аж до костей пробрало, никаких пустот не осталось. А Миша мужик не последний. Первым парнем на деревне был, сейчас вот опять крылья расправляет. Возможно, это Лара положительно на него влияет, но почему она? Почему Полина пустила все на самотек? Разве Миша не предлагал ей руку и сердце? Разве у нее есть какая-то альтернатива?

Полина уже сделала свой выбор, осталась в деревне, даже на работу в сельскую амбулаторию устроилась, на полставки, прививочной сестрой. Зарплата не ахти какая, но ей одной хватает, еще и остается. Дом большой, удобный, обставленный, все есть, все на месте. Урожай собран, зерна, картошки, солений и заготовок хватит на весь год, впереди холодная, но не голодная зима.

Мамы нет, даже поговорить не с кем. С ума от одиночества можно сойти.

Полина тряхнула головой, поднялась. Осень, уже темнеет, а впереди долгий вечер, и нечем его занять. Посидели бы с Мишей. Но так не придет же он, Лара двумя руками в него вцепится. Ну и не надо. Даже хорошо будет, если этот тракторист тут не появится.

Работы на сегодня еще много. Рытвины кое-где после трактора остались, их заровнять надо, углы на вспашке подправить. Но почему бы не перенести все это на завтра? Сегодня уже столько всего сделано, что хоть праздник справляй. А почему бы и нет? В баньке попариться, наливочку попробовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.